

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

HISTORY OF RELIGION

УДК 322(571.56)

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-102-109

Инна Игоревна Юрганова,
доктор исторических наук,
Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера
СО РАН
(677008, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1),
e-mail: inna.yurganova@mail.ru

«До царя далеко, до бога высоко...» (из истории взаимоотношений светской власти и духовенства в Якутском крае)

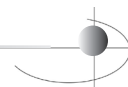
В статье рассматриваются отношения светской власти в лице воевод, губернаторов и духовенства в одной из наиболее отдаленных окраин Русского государства – Якутском крае. В контексте теории имперского регионализма на основе цивилизационной парадигмы выявлены имеющие место конфликты, возникавшие как в условиях реформирования, так и в связи с межличностными отношениями. Показано, что бесконтрольность и злоупотребления воевод на этапе военно-административного освоения края сменяются попытками гражданской власти области ограничить передвижения приходских причтов и сократить количество церковно-приходских школ. Установлено участие в разрешении конфликтов высших должностных лиц империи XIX – начала XX века. Обоснована ведущая роль государства во всех основных мероприятиях церкви и подчинение её задач государственной политике с учётом территориально-климатических особенностей проживания в условиях Крайнего Севера. Сделан вывод о необходимости организации на местах институтов-проводников имперской политики и идеологии, главной целью которых было утверждение государственного единства. Очевидно, что распространение православного христианства на вновь приобретённых территориях являлось, прежде всего, частью государственной политики Российской империи и элементом инкорпорации в русскую государственность.

Ключевые слова: Якутский уезд, церковное управление, якутское духовное правление, объезды приходов священниками

Введение. Взаимоотношения государства и церкви – сложный и важный вопрос, решение которого во многом определяло ход развития исторического процесса. Государственно-церковные отношения трактуются как «совокупность всех форм взаимосвязей государства и религиозных институтов в различных сферах деятельности» [5, с. 5]. Человечество имеет тысячелетний опыт отношений «государство – церковь», и инициатива их изменений в большинстве случаев принадлежала государству. Особо значимо религиозное начало в деятельности монархических государств, и одной из задач монархии является оформление отношений с церковью [11, с. 70].

Пришедшая вслед за государством на просторы Сибири Русская православная церковь являлась выразителем его интересов, и вступление иноверцев в православие было тождественно принятию русского подданства. Неофиты охотно принимались на «государеву службу». В связи с этим представляется интересным рассмотрение взаимоотношений светской власти и духовенства в одном из наиболее отдалённых регионов – Якутском крае.

Методология и методы исследования. Методология исследования основана на цивилизационной парадигме, когда интеграция в состав русского государства рассматривается в контексте теории имперского регионализма. Используются методы анализа, обоб-

щения, сопоставительной типологии, рассмотрения вопросов в хронологически-проблемном плане с учётом определённости места и времени, системности, состоявшей во взаимосвязи церковно-государственного управления в регионе с законодательством империи. В научный оборот вводятся новые, не опубликованные ранее архивные документы.

Результаты исследования и их обобщение. Вопросы взаимодействия государства и церкви привлекали внимание как светских, так и церковных исследователей. Отечественная историография представлена сочинениями митрополита Макария (Булгакова) и Е. Е. Голубинского, где, кроме прочего определено место церкви как общественно-института в истории страны [1; 3]. Системное описание истории Русской православной церкви в XVIII–XX веках подготовлено протоиереем В. Цыпиным, в котором с позиции официальной церкви рассмотрены взаимоотношения церкви и государства, в том числе и на его восточных окраинах [12]. Взаимодействию Церкви, общества и государства в Восточной Сибири в XVII–XVIII веках посвящены монография А. П. Санникова и статьи И. И. Юргановой [8; 14; 15]. Заметим, что в трудах зарубежных авторов по истории Русской церкви не рассматривались история и специфика православия на территории Якутии.

Включение территории Сибири в состав Русского государства происходило на протяжении нескольких столетий. Закрепление населения осуществлялось путём строительства острогов и зимовий, становившихся затем административными центрами. Вслед за казачьими отрядами и гулящими людьми на новые, неизвестные земли переселялись крестьяне, торговые и промышленные люди. К концу XVII века в Восточной Сибири насчитывалось около 60 тысяч представителей русского и других несибирских народов при численности коренных народов в 100 тыс. душ, пришлые составляли уже более 1/3 всего населения [8, с. 15]. Территория Якутского края становится одним из промысловых регионов, ежегодно с промыслов и на промыслы через якутскую таможню проходило до тысячи человек [9, с. 35]. Вместе с тем основная часть пришлого населения оседала в южных, более комфортных для проживания районах, тогда как регион Крайнего Севера оставался национальным анклавом, и к концу XVIII века в Якутии проживало только 2700 русских или 1,2 % населения [10, с. 15].

В 1638 году был учреждён пограничный Якутский уезд. Во главе уезда находились

воеводы, и к июню 1641 года исследователи относят начало функционирования уездной администрации¹. С 1708 года Якутский уезд подчинялся тобольскому губернатору, затем иркутскому провинциальному воеводе. В 1765 году была создана Иркутская губерния. Во главе Якутской провинции Иркутской губернии находился провинциальный воевода, затем его должность была заменена комендантами, с 1796 года – городничими. С 1805 года, после образования Якутской области, начало функционировать областное правление, сосредоточившее полицейскую, судебную и финансовую функции управления. В 1851 году императорским указом Якутская область была приравнена по правам к губернии².

Территориально-административное деление области состояло из округов (во главе с начальниками), улусов (инородная управа с головой), наслегов (родовое управление) и родов (старшины или старосты). Оседлое сельское население области было объединено в деревни (десятский), составлявшие волости (волостной староста).

Параллельно с территориально-административным оформлением происходило становление церковно-административной структуры. В 1620 году была создана Тобольская епархия (архиепископия). Распространение православия в Восточной Сибири обусловило возможность создания самостоятельной Иркутской епархии (1727). Якутия находилась в церковном подчинении тобольских, иркутских и камчатского архиереев, затем в с 1870 года была учреждена самостоятельная Якутская и Вилюйская епархии.

К середине XVII века государственная власть начинает вырабатывать и применять на практике методы взаимодействия с местным населением, отражённые в инструкциях сибирским воеводам [2, с. 33–42]. Служилые люди были должны «иноземцам никакие тяготы не чинить... объявить им государево милостивое слово» о их защите и сборе ясака, после этого «лутчих иноземческих князцов» требовалось привести по их вере к присяге-шерти и взять аманатов.

Местная власть должна была также обеспечивать распространение христианства, о чём неоднократно напоминалось сибирским воеводам. Функции воеводы заключались «в заботе, чтобы духовенство исполняло свои

¹ История Якутии и фонды ГАИО // Фонды Государственного архива Иркутской области о Якутии: справочник / сост. П. Л. Казарян. – Якутск, 2006. – С. 11.

² Полное Собрание законов Российской империи. – Т. 26, № 25395. – 2-е отд.-ие. – С. 480–482.

обязанности», а прихожане посещали храмы и «говели своевременно»¹. В наказах предписывалось проявлять заботу о храмах и оказывать содействие крещению населения. В царском наказе первым якутским воеводам П. П. Головину и М. Б. Глебову содержалось указание на необходимость строительства храма в остроге². Известно, что воевода Головин приглашал в церковь «многих якутских людей, а дверей церковных велел отворять, ...велел церковь смотреть и кланяться, не крестясь» [13, с. 27]. Воеводы неоднократно выделяли земельные угодья Якутскому Спасскому мужскому монастырю, являвшемуся в XVII–XVIII века крупным хозяйствующим субъектом Восточной Сибири.

Всем направляемым в Сибирь священникам выдавалось жалование (до 8 р.) и продукты (мука, крупа и толокно), что являлось существенной помощью [4, с. 9–10]. Духовенство было немногочисленным, оно обслуживало духовные нужды русского населения, сосредоточенного по острогам, острожкам и крестьянским слободам [9, с. 80]. Пребывающие на службе в Якутский уезд представители духовного сословия получали все виды государственного жалования (денежное, хлебное и соляное) и ведомостях на его выдачу значились как служилые – «государевы люди». Помимо строительства храмов и совершения христианских треб им надлежало крестить языческое население, причём крестить «беспрепятственно» в случае желания или просьбы.

Вместе с тем главной задачей местной власти являлось сохранение ясачного населения. В связи с этим правительственные акты были направлены на взаимодействие государственного административного управления с традиционными органами управления населением, в результате которого власть стремилась включить нерусское население как составную часть российской цивилизации, и баланс в этом взаимодействии достигался политикой сотрудничества власти с элитой якутского общества.

Именно этим объясняется «осторожность» якутских воевод в вопросах крещения, когда каждый конкретный случай оценивался воеводской администрацией без учёта пожеланий духовенства. Желающие креститься или их ходатаи подавали чело-

битные воеводам, в наказе которым (1644) разъяснялось: «А будет кто изъ ясачных людей похочет самовольно креститься, и тех людей велеть крестить, сыскать объ нихъ допряма, что свою-ли волею они хотяють креститься, а крестя устраивать их в государеву службу...». В наказе воеводе И. Большому Голенищеву-Кутузову (1658) отмечалось: «Никаких иноземцев и жен их и детей во двор не имати и засылкою самими ни у кого не покупати и не крестити... и служилым и всяким людем крестить не велеть же, чтоб Сибирская Ленская Земля пространялась, а не пустела; ...а будет кто из женского полу жонки или девки похотят креститься, и тех жонок и девок потому ж велеть крестить и выдавать замуж за новокрещенов же и за русских служилых людей»³. Таким образом, темпы христианизации восточно-сибирских территорий были обусловлены, прежде всего, политикой государства.

Установлены факты произвола первых якутских воевод, протест против которого длительное время рассматривался с точки зрения противостояния «трудящихся» и «эксплуататоров». Известны случаи, когда «местам» удавалось «достучаться» до высшего представителя власти в государстве – монарха. Так, в 1658 году бурятские ясачные князья «челом били» царю Алексею Михайловичу на воеводу Похабова с просьбой остановить насилие и заменить воеводу [6, с. 117].

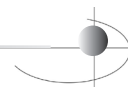
Взаимоотношения воевод и духовенства в Якутском остроге также не были мирными. Так, воевода П. Головин заключил в тюрьму своего духовника монаха Симеона, и по его приказу был подвергнут пыткам иеромонах Порфирий. Известно, что самоуправство воеводы привело к прекращению на некоторое время церковных служб в остроге. Показательным является арест другого якутского воеводы И. Приклонского, «выданного» тобольскому митрополиту Павлу и заключённого в тюрьму «за поношение архиерея», затем раскаявшегося и возвращённого в должность. В 1644 году поп Стефан принимал участие «в заговоре» против воеводы Головина, который, в свою очередь, доносил Тобольскому архиепископу о возмущении якутских служилых людей «чрезмерной строгостью» присланных в Якутск священнослужителей⁴. В 1650 году дьякон Якутской соборной церкви С. Васильев был наказан батогами за «не-

¹ Дополнение к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. – СПб., 1867. – Т. 10, № 78. – С. 353.

² Якутские епархиальные ведомости. – 1900. – № 2. – С. 32–33.

³ Якутские епархиальные ведомости. – 1900. – № 3. – С. 32–33.

⁴ РГАДА. – Ф.1177. – Оп. 3. – Ч. 1. – Д. 498. – Л. 1; Д. 703. – Л. 69–70.

вежливый» разговор с воеводой Д. Ф. Францбековым¹.

Воеводы выплачивали жалование духовенству, что приводило к злоупотреблениям, находившим выражение, как в неполных выплатах, так и в его задержке, свидетельством чего являлись поступавшие в Сибирский приказ жалобы о «плохой выдаче и недодаче им, стольником и воеводой хлебного и денежного жалования»².

Веком позже, в 1737–1738 годах архимандритом Спасского монастыря был составлен список лиц, не посещавших исповедь, включающий как жителей города, так и проживающих за его пределами, переданный воеводе с просьбой о доставке их в Якутск для исполнения христианских обязанностей. Но воевода не только не оказал никакого содействия, он даже отказался принять бумаги к рассмотрению.

Очевидно, что отдалённость от светской и церковной администрации, бесконтрольность и произвол воевод приводили к конфликтам и возможности участия представителей якутского духовенства в различного рода заговорах. Тем не менее, в целом воеводы и духовенство действовали совместно, их взаимоотношения были различными, обусловленные, прежде всего, личностными факторами. Это было распространённой для Восточной Сибири практикой, когда, например, у первых иркутских архиереев не сложилось понимания с гражданской администрацией Иркутска, ограничивающейся формальным исполнением указов и распоряжений высшей власти по отношению к РПЦ, что, безусловно, осложняло положение представителей духовного сословия [8, с. 227].

Со второй половины XIX столетия противостояние гражданской и духовной власти сменяется стремлением к совместным действиям и взаимной поддержке, что во многом было связано с деятельностью Святого Иннокентия (Вениаминова).

В конце XVIII века у якутского духовенства появляется орган территориального управления – духовное правление, подчинённое иркутской духовной консистории. Показательно, что деятельность правления контролировалась не только церковными органами (консисторией и архиерейским домом), но и светскими³. Так, совместно с гражданской властью было организовано упорядочение кладбищ в якутских селениях, и в 1826 году

Якутские областное и духовное правления утвердили, «чтобы при каждом якутском наслеге было учреждено... одно или два места [кладбища – И. С.] в приличном отдалении»⁴.

К началу XIX столетия по завершении процесса политико-административного освоения новых территорий и перехода к их хозяйственному освоению государство переходит к интеграционным мероприятиям, РПЦ должна была обеспечивать их реализацию. Но камнем преткновения в этот период стал вопрос о поездках приходского духовенства для исполнения служебных обязанностей в отношении обеспечения его транспортом – подводами. Конфликты возникали как между представителями духовенства и населением, отказывающим в бесплатном предоставлении подвод, так и с местным чиновничеством в масштабе всей Сибири. Не достигнув взаимопонимания в данном вопросе, архиепископ Тобольский и Сибирский был вынужден обратиться за помощью к сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому, указав, что ранее духовенство пользовалось обывательскими подводами «а ныне обыватели от дачи сих подвод отрекаются, под тем предлогом, что сие запрещено от земского начальства», отметив, что никакого финансирования данных поездок из государственной казны не предусмотрено, а «из церковных денег употреблять запрещено»⁵.

Заметим, что для податного населения Сибири земская повинность была одной из наиболее тяжёлой, и иркутский гражданский губернатор Н. И. Трескин отмечал, что содержание подвод на почтовых трактах было «крайне тягостно по чрезвычайной обширности и ненаселённости губернии»⁶. В северо-восточной части Якутской области, где кочевое население было не в состоянии исполнять данную повинность, оно должно было вносить от 12 до 15 рублей в год (подушно).

Будучи автором «Правил о содержании обывательских и почтовых подвод», включённых в Устав о земских повинностях (1822), в ответ на обращение архиепископа Сперанский указал на недопустимость запрета выдачи подвод и пояснил, что если население отказывается предоставлять подводы, то земское начальство обязано обеспечивать духовенство транспортом (благочинных и священников 2 раза год по 1-й параконной подводе; священников, проводивших след-

¹ Там же. – Ч. 2. – Д. 930. – Л. 13–16; Д. 980. – Л. 13–17; Ч. 3. – Д. 1561. – Л. 7–9; Д. 1616. – Л. 1.

² Там же. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 809–810; Д. 78.

³ Там же. – Д. 1175.

⁴ НА РС (Я). – Ф. 225-и. – Оп. 1. – Д. 399.

⁵ Якутские епархиальные ведомости. – 1904. – 16 февр. – № 4. – С. 53.

⁶ Там же. – 16 марта. – № 6. – С. 87.

ствия по делам духовного судопроизводства и в случае чрезвычайных происшествий).

Казалось, вопрос решён. Но, в 1824 году, в связи с введением в Сибири нового устава о земских повинностях, было предложено изменить существующий порядок о проездах духовенства, и якутский областной начальник Мягков сообщил духовному правлению, что теперь священники обязаны платить прогоны (оплата проезда) и брать подводы из тех селений, куда они направляются. Таким образом, священник должен был заблаговременно поставить в известность о намечающейся поездке земский суд, который в свою очередь, должен дать распоряжение прихожанам для доставки в город необходимых подвод. Предлагаемые нововведения были неприменимы на огромных просторах Якутии, приходы которой охватывали сотни, а порой и тысячи вёрст и состояли из десятка-двух наслегов, родоначальники которых должны были теперь собирать население на сход и общим приговором принимать решение о выделении подвод и затем отправлять их за священником.

Якутское духовное правление негативно отнеслось к подобным изменениям и обратилось к епархиальному архиерею с просьбой оставить всё как прежде, т. е. чтобы священно- и церковнослужители могли по разрешению земского суда пользоваться обывательскими подводами до ближайшего приходского храма, а затем совершать поездки на наслезных лошадях. Вопрос был передан на рассмотрение иркутского губернатора, отменившего в итоге распоряжение областного начальника.

Но конфликт вновь не завершился, а перешёл на местный уровень. В 1827 году вилюйский окружной исправник Федоров сделал распоряжение не пропускать сунтарских¹ священнослужителей в «иноверческие стойбища» и не давать им подвод без его письменного разрешения. Подобные факты встречались и ранее. Так, осенью 1826 года областной начальник запретил олёкминскому священнику выезд на ярмарку на р. Бача, где собирались тунгусские племена и роды. Более того, местная гражданская власть предпринимала попытки вмешательства и в непосредственную деятельность церкви. Так, Жиганская инородная управа в 1828 году обратилась к руководству области с предложением сократить причт Жиганской Николаевской церкви до одноклпирного (священник

¹ Сунтарский улус находился в составе Вилюйского округа Якутской области Иркутской губернии.

и причетник) с целью уменьшения расходов на их поездки. В ответ духовное правление вновь обратилось за помощью к архиерею «для разрешения вопроса, должны ли священники подчиняться распоряжению светского начальства?»².

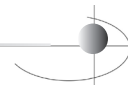
Очевидно, что территориально-климатические условия проживания в Якутии характеризовались дополнительными трудностями в служении духовенства, одной из обязанностей которого был объезд своей паствы, и местная гражданская власть предпринимала попытки сокращения расходов за счёт ограничения поездок приходских священников, что представляется региональной спецификой взаимоотношений светской и духовной власти.

Следующее обострение взаимоотношений светской и духовной власти области связано с деятельностью якутского губернатора И. И. Крафта (1907–1913). Будучи решительным государственным деятелем и умелым администратором, Крафт начал преобразования в системе народного образования Якутской области: были построены каменные здания реального училища и женской гимназии, создан специальный фонд имени Петра Великого для выдачи пособий бедным учащимся, учреждены именные стипендии, открыты двухгодичные педагогические курсы. В 1911 году в Якутске распахнула свои двери учительская семинария. Церковно-приходские школы стали вытесняться учебными заведениями Министерства просвещения, а губернатор вступил в противостояние с епархиальной властью, объявив о незначительном значении церковных школ в системе образования Якутии. Вовлечёнными в конфликт стали генерал-губернатор Иркутской области А. Н. Селиванов и председатель Совета министров П. А. Столыпин, одна из ключевых политических фигур империи начала XX столетия. В письме к Столыпину Крафт пояснял: «Мною лично доложено Вашему Высокопревосходительству, что я всячески содействовал увеличению ЦПШ, привлечению жертвователей на это дело, но никакое моё содействие не может иметь успеха при наличии поразительного равнодушия и, скажу прямо непростительного небрежения к этому делу со стороны местной епархиальной власти»³.

Полемика губернатора и епископа была направлена на решение одних и тех же задач. Губернатор стремился к расширению сети

² Якутские епархиальные ведомости. – 1904. – № 7. – 1 сент. – С. 267–268.

³ ГАИО. – Ф. 25. – Оп. 6. – Д. 3704. – Л. 12, 32, 37–38.

светских школ, обеспечению области образованными кадрами и пополнению численности якутского чиновничества, и его деятельность совпала с массовым открытием сети министерских школ в России. Епархиальная власть выступала проводником церковного образования как основы христианской нравственности и приверженности монархизму.

Пока светские и церковные власти полемизировали о развитии школьного образования, жизнь предлагала различные варианты. В 1909 году при Олом-Кельской Васильевской церкви Якутского округа была открыта школа грамоты (епархиальная) с пансионом Министерства просвещения, на территории Намского прихода действовала школа Министерства просвещения, в которой преподавал и был уважаем священник местной церкви [16, с. 181]. Финансирование министерских школ из государственной казны делало их более привлекательными для сельских обществ Якутии, когда же их открытие не предусматривалось, общество содержало на свои средства церковные школы.

До начала XX столетия управленческие структуры Восточной Сибири отличались от соответствующих структур центральных регионов империи и имели черты особенности, и эта особенность увеличивалась по мере движения на восток [7, с. 25]. Небозримые просторы Якутского края в силу региональной вариативности природно-климатических условий обусловили замедленные темпы интеграции, осложнённой малочисленностью населения, неразвитостью коммуникаций, этнокультурным разнообразием. В этих условиях возрастало значение административно-управленческого фактора, являвшегося решающим на этапе присоединения и первоначального освоения территорий. Государственная власть должна была привести местное население в подданство «белому царю», обеспечив бесперебойное поступление налогов. Одним из элементов данного процесса являлась христианизация,

контроль за проведением которой осуществлялся светской властью в лице воевод и предусматривал добровольное крещение без рисков сокращения численности ясакоплательщиков. Отдалённость уезда и злоупотребления в деятельности воевод приводили к конфликтам с представителями духовенства.

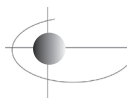
После создания в Якутии органа духовного управления одной из его функций стало взаимодействие с местной гражданской властью. В этот период государство, завершив политико-административное взаимодействие, переходит к хозяйственному освоению новых территорий, и взаимоотношения с церковью характеризуются попытками светской власти в ограничении расходов, выделяемых на объезды священников и даже приходских причтов. Интересно, что возникающие противостояния между светской и духовными властями в далёкой Якутии решались на высшем уровне и становились предметом рассмотрения М. М. Сперанского и П. А. Столыпина, которые в итоге поддерживали просьбы церковного руководства края, так как задачей РПЦ было обеспечение интеграции нерусских народов в российскую государственную и общественную систему.

Выводы. Изучение взаимоотношений светских духовных властей на территории одного из наиболее отдалённых регионов государства даёт возможность установить, что РПЦ была проводником его политики, подчиняясь интересам административной власти. Для освоения окраин необходима была организация на местах институтов-проводников имперской политики и идеологии, главной целью которых было утверждение государственного единства.

Очевидно, что распространение православного христианства на вновь приобретённых территориях являлось, прежде всего, частью государственной политики Российской империи и элементом инкорпорации в русскую государственность.

Список литературы

1. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. Период второй. Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. М.: Имп. Общество истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1917. 616 с.
2. Иванов В. Ф. Русские письменные источники по истории Якутии. XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 212 с.
3. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Т. 10. Период самостоятельности Русской Церкви, 1589–1881 гг. СПб.: Тип. Голике, 1881. Вып. XVI, кн. 1. 500 с.; СПб.: Тип. Добродеева, 1882. Т. 1; вып. 16, кн. 2. 629 с.; СПб.: Тип. Голике, 1883. Т. 12, вып. 26, кн. 3. 729 с.
4. Нестор (Анисимов), митрополит. Православие в Сибири: исторический очерк. Мои воспоминания / сост. А. Астафьев, иерей. Ленск: Компания Дани-Алмаз, 2016. 356 с.

5. Овсиенко Ф. Г., Трофимчук Н. А. Место и роль государственно-церковных отношений в политике государства // Государственно-церковные отношения в России. М.: РАГС, 1995. 150 с.
6. Окладников А. П. Очерки по истории западных бурят-монголов. Л.: Соцэкгиз, 1937. 431 с.
7. Побережников И. В. Административный фактор в рамках фронтальной модернизации Сибири (XVIII – начало XX в.) // Проблемы государственного управления и местного самоуправления в Сибири в конце XVI – начале XXI в.): материалы VII Всерос. науч. конф. Новосибирск: Нонпарель, 2011. С. 25–26.
8. Санников А. П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII вв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. 311 с.
9. Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии в XVII – начале XX в. Якутск: Якуткнигоиздат, 1961. 496 с.
10. Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1978. 256 с.
11. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: Айрис Пресс, 2006. 486 с.
12. Цыпин В., протоиерей. История Русской православной церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700–2005. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 816 с.
13. Шишигин Е. С. Распространение христианства в Якутии. Якутск: Якут. гос. объединённый музей истории и культуры народов Севера им. Е. Ярославского, 1991. 115 с.
14. Юрганова И. И. Распространение государственного православия в Якутском крае (сер. XVII – нач. XX вв.) // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 8. С. 256–263.
15. Юрганова И. И. «Тобольский период» деятельности Русской православной церкви в Якутии: начало межцивилизационного диалога // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер. История. 2016. № 2. С. 5–13.
16. Юрганова И. И. Православие в Якутском крае. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. 299 с.

Статья поступила в редакцию 10.04.2018; принята к публикации 29.04.2018

Библиографическое описание статьи

Юрганова И. И. «До царя далеко, до бога высоко...» (из истории взаимоотношений светской власти и духовенства в Якутском крае) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 102–109. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-102-109.

Inna I. Yurganova,
Doctor of History,
Institute of the Humanities and Indigenous
Peoples of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(1 Petrovskogo st., Yakutsk, 677007, Russia),
e-mail.ru: inna.yurganova@mail.ru

**“The Tsar Is Far Away, and God Is High Above...” (from the History
of Interrelations of Secular Power and the Clergy in the Yakutsk Region)**

The article examines the relationship of secular power represented by voyevodas and governors and the clergy in one of the most remote outskirts of the Russian state – the Yakut region. In the context of the theory of imperial regionalism, on the basis of the civilizational paradigm, conflicts were identified that took place both under reforms and in connection with interpersonal relations. It is shown that lack of control and abuses by voyevodas at the stage of military and administrative development of the province are replaced by attempts of the regional civil authorities to restrict the movement of parochial clergy members and to reduce the number of church parochial schools. Participation in the resolution of conflicts of the highest officials of the empire of the 19th – early 20th centuries was established. The leading role of the state in all the main activities of the church and the subordination of the church tasks to state policy are substantiated, taking into account the territorial and climatic features of living in the conditions of the Far North. A conclusion is drawn that it was necessary to organize on-site institutes as conductors of imperial policy and ideology, the main purpose of which was the assertion of state unity. Evidently, the spread of Orthodox Christianity on the newly acquired territories primarily represented part of the state policy of the Russian Empire and an element of incorporation into the Russian statehood.

Keywords: Yakut district, church administration, ecclesiastical government, visitations of parishes by priests

References

1. Golubinskiy, E. E. The History of the Russian Church. 2nd ed., vol. 2: The second Period. Muscovite. From the Mongol invasion to the Metropolitan Macarius, inclusive. M: Imp. Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh. pri Mosk. un-te, 1917. (In Rus.)
2. Ivanov, V. F. Russian written sources on the history of Yakutia. XVII. Novosibirsk: Nauka, 1991. (In Rus.)

3. Makarii (Bulgakov), mitropolit. The History of the Russian Church. Vol. 10. The Period of independence of the Russian Church, 1589 – 1881. B.1. SPb: Tipografiya Golike. 1881. XVI. 500 p.; V. 1. kn. 2. Tipografiya Dobrodeeva, 1882. XVI. 629 p.; V. 12: B. 3. Tipografiya Golike, 1883. XXVI. (In Rus.)
4. Nestor (Anisimov), mitropolit. Orthodoxy in Siberia: a historical sketch. My memoirs / ed. by A. Astaf'ev, ierey. Lensk. Kompaniya Dani-Almaz, 2016. (In Rus.)
5. Ovsienko, F. G., Trofimchuk, N. A. The place and role of Church-state relations in state policy. Church-state relations in Russia. M: Izd-vo RAGS, 1995. (In Rus.)
6. Okladnikov, A. P. Essays on the history of Western Buryats-Mongols. Leningrad: Izd-vo "Sotsekgiz", 1937. (In Rus.)
7. Poberezhnikov, I. V. Administrative factor in the framework of the frontier modernization of Siberia (XVIIIth – early XXth century). Problems of public administration and local self-government in Siberia in the late XVIth – early XXIst centuries). Proceedings of the VIIth all-Russian scientific conference. Novosibirsk. Nonparel', 2011: 25–26. (In Rus.)
8. Sannikov, A. P. Church, state and society on the Eastern outskirts of the Russian Empire in the XVIIth – XVIIIth centuries. Irkutsk. Izd-vo IGU, 2016. (In Rus.)
9. Safronov, F. G. Russian peasants in Yakutia in the XVIIth – beginning of the XXth centuries. Yakutsk. Yakutknigoizdat, 1961. (In Rus.)
10. Safronov, F. G. Russian in northeast Asia in the XVII – mid XIX century. M: Nauka, 1978. (In Rus.)
11. Tikhomirov, L. A. Monarchical statehood. M: "Ayriz Pres", 2006. (In Rus.)
12. Tsy-pin, V., protoierei. History of the Russian Orthodox Church. Synodal and modern times. 1700–2005. M: Izd-vo Sretenskogo monastyr'ya, 2010. 2006. (In Rus.)
13. Shishigin, E. S. The spread of Christianity in Yakutia. Yakutsk, Yakut. Gos. Ob'edin. muzey istorii i kul'tury narodov Severa im. E.Yaroslavskogo, 1991. (In Rus.)
14. Yurganova, I. I. Dissemination of state Orthodoxy in the Yakutsk region (middle of the XVIIth – beginning of XXth centuries.). Izvestiya Irkut. gos. un-ta. Ser. Politologiya. Religiovedenie, v.8, pp. 256–263, 2014. (In Rus.)
15. Yurganova, I. I. "Tobolsk period" of the Russian Orthodox Church in Yakutia: the beginning of the intercivizational dialogue. Vestnik Tomsk. gos. un-ta. Ser. Istoriya, no. 2 (40), pp. 5–13, 2016. (In Rus.)
16. Yurganova, I. I. Orthodoxy in the Yakut region. Irkutsk. Izd-vo IGU, 2016. (In Rus.)

Received: April 10, 2018; accepted for publication April 29, 2018

Reference to the article

Yurganova I. I. "The Tsar Is Far Away, and God Is High Above..." (from the History of Interrelations of Secular Power and the Clergy in the Yakutsk Region) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 102–109. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-102-109.